

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 77–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 77–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(44)

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-77-84>

ПРОТОНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ МАССОВОЙ ПРОЗЫ

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, ktchekalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

Аннотация. Процесс формирования массовой литературы во Франции был неразрывно связан с укреплением романа-фельетона (как приоритетной публикационной формы) и сопровождался выработкой соответствующей жанровой типологии и номенклатуры. Термин «научная фантастика» вошел в нее лишь после Второй мировой войны, хотя сами образцы соответствующего нарратива возникли уже в период «прекрасной эпохи». В статье рассмотрена ранняя стадия развития французской научной фантастики (основные памятники, жанровые особенности, публикационные стратегии, жанровая рефлексия), проанализирована роль сочинений Ж. Верна в генезисе научно-фантастического дискурса. Особое внимание уделено «научно-чудесному» (*merveilleux scientifique*) типу повествования, подробным образом отраженному известным писателем Морисом Ренаром.

Ключевые слова: массовая литература, научная фантастика, «научно-чудесное», роман, нарратив, газета, фельетон, мистика, оккультизм, Луна

Для цитирования: Чекалов К.А. Протонаучная фантастика и становление жанровой номенклатуры французской массовой прозы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 77–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-77-84>

Research Article

PROTOSCIENCE FICTION AND FORMATION OF THE GENRE NOMENCLATURE IN FRENCH PARALITERATURE

Kirill A. Chekalov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; The Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Moscow, Russia, ktchekalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

Abstract. Formation of the paraliterature in France was inextricably linked to strengthen the feuilleton novel (as a major publication form) and was followed by the creation of an appropriate genre nomenclature. The term «science fiction» became part of it only after World War II. Although the samples of the corresponding narrative had already appeared in the period of Belle Époque. The earliest stage of the French science fiction development (main works, genre features, publishing strategies, genre reflection) is considered in the article and the role of the works by Jules Gabriel Verne in the genesis of science fiction discourse is briefly analysed. The “scientific-wondrous” (“*merveilleux scientifique*”) is given great consideration, that was reflected in details by the famous writer Maurice Renard.

Keywords: popular literature, science fiction, *merveilleux scientifique*, novel, narrative, newspaper, feuilleton, mysticism, occult, Moon

For citation: Chekalov K.A. Protoscience fiction and formation of the genre nomenclature in French paraliterature. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 77–84 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-77-84>

Вычленение и становление в рамках общего литературного поля особого социокультурного «ареала» массового чтения – процесс, протекавший во Франции начиная с 1830-х годов и вплоть до «прекрасной эпохи». Робкие попытки отразить этот процесс наблюдались с самого начала указанного периода. Так, газета Эмиля Жирардена «La Presse», учрежденная 1 июля 1836 года и ставшая важнейшим двигателем романа с продолжением (романа-фельетона), уже в первом номере опубликовала статью снискавшего к тому времени известность писателя Фредерика Сулье, где разъяснялось значение слова «feuilleton» исходя из тех новых задач, которые поставил этой публикационной форме Жирарден. Сулье, которому в скором времени предстоит стать одним из мэтров романа-фельетона, еще не употребляет понятие «roman-feuilleton», но его эмоциональный текст, безусловно, готовит почву для этого. «Фельетон – это слава, известность, богатство»¹, – пишет Сулье, интригуя читателя нехитрыми и всем понятными ценностями и исподволь подготавливая его к обновлению содержательной начинки «подвала» (нижней части газетной полосы) как публикационной формы.

Совсем скоро, в «подвале» номера от 7 июля, вышла еще одна, и притом весьма пространная статья Сулье, на сей раз посвященная историческому роману. Речь в статье идет главным образом о том, в какой мере писатель может расцвечивать исторические факты собственным вымыслом, в какой мере игра воображения уместна в повествовании, основанном на реальных событиях. Однако очень быстро писатель отходит от жанровой проблематики и переключается на обсуждение собственно историографических тем.

Более значимым в теоретическом плане представляется очерк Александра Дюма под названием «Введение в наши исторические фельетоны», опубликованный в той же газете две недели спустя. Писатель традиционно использует понятие «исторический роман» прежде всего применительно к Вальтеру Скотту; попутно упомянуты другие, стародавние и хорошо представленные, по мнению Дюма, на его родине романские разновидности: «пасторальный роман, нравоописательный роман, альковный роман, рыцарский роман, роман о страстях и сентиментальный роман»². С точки зрения автора очерка, исторические романы должны избегать двух крайностей – не следует ни «иссушать прошлое» (как это часто делают историки), ни «искажать историю» (как это часто делают романисты). Давая установку литераторам, подвизающимся на ниве исторического повествования (то есть и себе самому), Дюма, однако, практически ничего не пишет по поводу самой публикационной формы; название очерка приобретает двусмысленный ха-

рактер: понимать ли под ним уместные в «подвале» историографические эссе или же речь идет о процессе перемещения в «подвал» собственно исторического нарратива? На наш взгляд, в очерке Дюма присутствуют как внешний «сюжет» (жанровая специфика исторического романа, который в XIX столетии сохраняет большую респектабельность по сравнению с другими феноменами массового чтения), так и внутренний (обновление фельетонной формы публикации). Дюма крайне эскизно намечает процесс превращения «фельетона» в «роман-фельетон», вытеснения ненарративных (критических, эссеистических и т. п.) текстов в «подвале» нарративными. Этот процесс окажется весьма медленным; необратимым он делается благодаря «Парижским тайнам», но и эпохальная книга Эжена Сю еще не завершит его.

Вплоть до конца XIX века популярный роман не воспринимался академической критикой как часть истинной литературы; вот почему рецензии на его образцы встречаются достаточно редко. Вместе с тем есть основания говорить об отсутствии строгой систематизации разновидностей массовой прозы как особого яруса словесности. Таким образом, Дюма, у которого – как мы видели – «высокие» и «низкие» жанры не были разведены между собой, в очередной раз выступил как законодатель литературной моды. Смещение (на уровне номенклатуры) «популярного» и «высокого» чтения, по сути дела противоречащее общей установке большинства литераторов на высокомерное игнорирование «промышленной литературы», можно считать достаточно распространенным явлением в теоретической рефлексии вплоть до конца столетия (более подробно см.: [Чекалов 2021]).

Так, «популярные» и «литературные» романы («roman populaire // roman littéraire») совершенно не дифференцированы в той дробной и ироничной палитре романного жанра, которую представил в самом конце XIX столетия бельгийский юрист, литератор и будущий политик католического толка Поль Крокер (1875–1955).

«Романы у нас имеются на все вкусы: поэтический роман Шатобриана, психологический роман Стендаля и Бурже, исторический роман Виньи, Мериэ и Дюма, сентиментальный или идеалистический роман Жорж Санд, Фейе и Вейо, фантастический роман Готье, реалистический роман Бальзака и Флобера, натуралистический роман Золя, импрессионистический роман Гонкуров, Доде и Лоти, а также такие подвиды, как светский роман-фельетон, сельский, военный, экзотический, научный, детский, христианский, добропорядочный, символистский, оккультный, юмористический и так далее. Прогресс, разумеется, налицо; далеко же мы ушли от “Астреи” и “Принцессы Клевской”...»³

В систематизации Крокера обращает на себя внимание не только намеренное (вплоть до бурлеска) смешение терминологического уровня с бытовым, но и сам подбор персоналий. Так, некоторое удивление вызывает включение в реестр второстепенного писателя и журналиста Луи Вейо (1813–1883), в наше время совершенно забытого; его присутствие обусловлено главным образом приверженностью Вейо (как и Крокера) ортодоксальному католицизму.

Другая деталь, на которую стоит обратить внимание в приведенной выше цитате, – это полное отсутствие детективного (криминального, судебного) нарратива, который между тем к моменту написания статьи достиг во Франции высокой степени развития (среди авторов, помимо Габорио, – Фортюно де Буагобе, Ксавье де Монтепен, Пьер Закконэ, Жюль Мари...), а сам термин «roman policier» встречается в периодике начиная с 1870-х годов. Видимо, криминальные романы оказались элиминированы Крокером опять-таки по причинам идеологического свойства; можно считать их полностью вписанными в категорию «и так далее».

И наконец, с точки зрения темы нашей статьи особенно важно отметить упоминание о «фантастическом романе Готье». Долгое время понятие «фантастический роман» оставалось закреплено именно за нарративом романтического типа (Гофман – Готье). Между тем уже в период «прекрасной эпохи» во французской литературе постепенно вызревал новый тип фантастического дискурса, который далеко не сразу нашел свое отражение в созданных тогда жанровых систематизациях. Речь идет о дальнем прообразе современной научной фантастики (или, если угодно, о «протонаучной фантастике»). Англоязычный термин «science-fiction» усваивается во Франции с большим опозданием – лишь после Второй мировой войны, зато соответствующие литературные феномены возникают здесь уже в 1860-х годах, практически одновременно с протодетективом (роман Эмиля Габорио «Дело вдовы Леруж» печатался на страницах газеты «Le Pays» с 14 сентября по 7 декабря 1865 года). Кроме того, в публикационной истории такого образца протонаучной фантастики, как «Житель планеты Марс» Анри де Парвиля, просматриваются стратегии, напоминающие о принципах публикации детективных романов. Историю этой публикации стоит изложить подробнее.

В выпуске той же газеты «Le Pays» (которая вообще внесла значительный вклад в продвижение французского массового чтения) от 17 июня 1864 года под рубрикой «Variétés» («Коротко о разном») была помещена заметка сенсационного содержания под названием «Житель планеты Марс»⁴; под ней стояла подпись хорошо знакомого читателям газеты журналиста Александра Ломона. В этом фиктивном ре-

портаже из Ричмонда сообщалось, что по ходу поисков нефтяных месторождений в районе американских Скалистых гор был якобы обнаружен космический аппарат. Внутри снаряда находился саркофаг с мумией антропоида – «причудливого обитателя межпланетных миров» (его анатомия описана весьма подробно). Заметку завершала следующая фраза: «Нам обещаны соответствующие иллюстрации, которые вскоре будут опубликованы». На самом деле речь шла о весьма эффектной зачине романа, принадлежавшего перу писателя, журналиста и путешественника, автора пространного цикла очерков «Научные беседы» (1861–1895) Анри де Парвиля (1838–1909). Дальнейшая газетная публикация осуществлялась в форме фельетона, не слишком ритмично и первоначально отнюдь не в «подвале» – там в это время печатались произведения других писателей, в том числе «Женатый священник» Барбе Д’Орвильи и один из эпизодов «Молодости короля Генриха» Понсона дю Террайля, – а все в той же рубрике «Variétés» (под именем Ломона).

В номере от 1 июля 1864 года за подписью «Ж.-Ф. Галль» (псевдоним все того же Парвиля, о чем совершенно ясно написал на страницах другой газеты Эмиль Золя⁵) была напечатана полемическая заметка, направленная против трактовки «Жителя планеты Марс» у чрезвычайно известного в XIX веке популяризатора науки Луи Фигье, с 1856 года выпускавшего справочный ежегодник «L'Année scientifique et industrielle». Фактически Парвиль и Фигье являлись конкурентами, работавшими в одном научно-популярном регистре, так что полемика должна восприниматься именно в контексте поношения соперника. Фигье принял сообщение об аэролите за чистую монету и стал опровергать «газетную утку», посчитав ее совершенно неуместной в серьезном правительственном издании. В своем опровержении Фигье прибегнул к научной аргументации, которую Парвиль довольно лихо парирует. Таким образом, газета не только поддерживала заданную уже с самого начала публикации симулятивную стратегию, но и остроумно развивала ее [Chassay].

Начиная с выпуска газеты от 9 сентября «Житель планеты Марс» переместился в «подвал», тем самым как бы самоидентифицировавшись в качестве романа-фельетона, а затем опять вернулся на прежнее место. Газетная публикация романа так и не была доведена до конца; отдельное издание, под полным именем автора – Henri de Parville, вышло у Этцеля в мае 1865 года, с давно обещанными иллюстрациями Эдуара Риу (этот художник известен прежде всего благодаря выполненным по его рисункам гравюрам к произведениям Жюль Верна). По сравнению с газетной в книжной версии произошла смена жанровой оптики: теперь «Житель планеты Марс» позиционируется

как эпистолярный роман и снабжен соответствующим авторским предисловием (документировавшим происхождение изложенного в ней сенсационного материала: по утверждению автора, он якобы обнаружил на своем письменном столе подборку отправленных ему из Америки писем).

Несмотря на эти метатекстуальные игры, Парвиль не стремился к полномасштабной выработке нового литературного жанра; его книга, возможно, навеянная реальным событием (падением так называемого «Оргейского болида» 14 мая 1864 года), напоминает научно-популярный роман-эссе с некоторой сатирической составляющей. Вспоминая об этой публикации в 1898 г. как о событиях давно минувших дней, Анри де Парвиль указал, что в «Жителе планеты Марс» выведены в ироничном ключе известные ученые-академики – Жак Бабине, Урбен Леверье, Анри Мильтон-Эдвардс, Альфред Вельпо и прочие; «надеюсь, они меня простили»⁶.

Игровая составляющая еще сильнее выражена в другом произведении 1860-х гг. – «Путешествие осла на планету Марс» (1867) Габриэля Ликье (1843–1877). Возможно, отчасти это название было навеяно «Записками осла» Софи де Сегюр, опубликованными в 1860 году. Однако в данном случае речь идет не о романе, но о выразительном протококке: ключевую роль здесь играет не текст, а выполненные женеvским художником Эскофье литографии. Книга имеет не большее отношение к истории научной фантастики, чем насыщенный спиритизмом бурлескный роман неизвестного литератора Виктора Дазюра «Фантастический полк», выпущенный в 1868 году (хотя действие в нем тоже разворачивается на Марсе, а в предисловии содержится отсылка к Фламариону).

Из всех произведений 1860-х годов, связанных с космической темой, наиболее известной является, разумеется, диалог Верна «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1869). Именно здесь просматривается сознательная установка издателя Этцеля и писателя на выработку принципиально нового жанрового целого. В романах о Пушечном клубе, как и в рассмотренных выше произведениях, также присутствуют сатирическая и особенно познавательная составляющие. Большинство обозревателей абсолютизировали именно вторую из этих составляющих. Показательно, например, что в официальной правительственной газете «Gazette nationale ou le Moniteur universel» короткий отклик на роман «С Земли на Луну»⁷ оказался интегрирован в пространный разбор первого тома монументального эрудитского труда всё того же Луи Фигье «Vies des savants illustres depuis l'antiquité jusqu'au dix-neuvième siècle» (1866–1870), русский перевод которого (он вышел в 1871–1873 годах) именовался «Светила науки от древности до наших дней».

Собственно, и многие другие обозреватели восприняли романы о Пушечном клубе именно в том же ключе, тем самым утвердив представление о Верне исключительно как о добросовестном популяризаторе науки.

Скромная и не лишенная рекламной направленности попытка описать жанровое своеобразие этой «фантазии» была предпринята на страницах республиканской газеты «L'Opinion nationale» педагогом и журналистом Жаном Масе (он перед тем основал вместе с Верном и Этцелем журнал «Magasin d'éducation et de récréation»; в романе «Париж в XX веке» Верн назвал его «самым искусным популяризатором науки»). Масе отмечает мастерство книги в том, что касается соединения научной гипотезы с игрой воображения; при помощи своего таланта писатель создает эффектную, убедительную иллюзию реальности⁸.

Предпубликация романа «С Земли на Луну» (газета «Le Journal des Débats», с 14 сентября по 14 октября 1865 года) произвела большое впечатление на современников. Насыщенность размещенного в «подвале» романа-фельетона не только научными выкладками, но еще и математическими формулами выглядела крайне непривычно и вызвала неоднозначную реакцию. Так, юмористический журнал «Le Tintamarre» не преминул отметить, что Верн гораздо скучнее одного из своих предшественников в трактовке лунной темы – Сирано де Бержерака: «нам известны были романы нравов, романы с лихо закрученной интригой, психологические романы, эрудитские романы... г-н Верн создал педантский роман; Боже вас от него сохрани!»⁹.

Подобная реакция становится понятной, если учесть, что книга Верна выходит одновременно с острозюжетным романом циклом Понсона дю Террайля о Рокамболе. По меркам середины XIX века, наукообразные постраничные примечания Верна скорее уместны в ученом сочинении, нежели в романном нарративе; между тем автор «С Земли на Луну» с определенным вызовом именуется пятую главу книги, максимально насыщенную эрудитскими выкладками, «Roman de la Lune» (в русском переводе – «Повесть о луне»). Здесь содержится множество упоминаний о писателях и ученых прошлого, обращавшихся к указанной теме. При этом писатели явно превалируют. Заметно, что Верну известны работы выдающегося астронома Камилля Фламариона «Les Habitants de l'autre monde» (1862, в русском переводе – «Жители небесных миров», 1876) и «La pluralité des mondes habités» (1862, в русском переводе – «Многочисленность обитаемых миров», 1908). Например, именно в первой из вышеназванных книг писатель черпает упоминание о безвестном поэте Агезианаксе, касающемся в своих стихах лунной темы (в свою очередь Фламарион приводит цитату из поэмы о небесных

феноменах Агезианакса по диалогу Плутарха «О лике, видимом на диске Луны»).

Создатель русского перевода романа (он публикуется и поныне) Марко Вовчок, следуя общей переводческой логике своего времени, постраничные примечания элиминирует; речь идет о довольно существенном нарушении авторского замысла – как показал известный современный специалист по творчеству Верна Д. Компер, примечания играют важную роль в системе целого [*Compère*]. В то же время было бы ошибкой утверждать, что наукообразие становится абсолютной доминантой верновского повествования. Во второй части диалогии писатель воссоздает именно поэтический образ Луны, выдержанный в «бодлеровских» тонах [*Vas-Deyres*]. Сбалансированность поэтического и рационального становится, таким образом, конститутивным признаком верновского видения космической темы (этот баланс присутствует и в других произведениях писателя, в том числе в романе «Двадцать тысяч лье под водой», где даже реестр названий раковин в главе VII читается как небольшая поэма). В настоящее время диалогия считается пророческой (например, в ней довольно точно предсказаны некоторые подробности высадки американцев на Луну в 1969 году).

Понимание инновационного характера разработанного Верном жанра формируется к 1870-м годам. Правда, термин «научный роман» был впервые предложен в отношении Верна уже после выхода в свет «Пяти недель на воздушном шаре», весной 1863 года¹⁰, однако окончательную канонизацию Верна как «научного писателя» осуществил уже в следующем десятилетии журналист, литератор и высокопоставленный чиновник (он служил генеральным инспектором школьных и народных библиотек) Мариус Топен (1838–1895). Очерк Топена о Верне, опубликованный в 1876 году, является составной частью обширного цикла его заметок о современном романе. Топен внедряет «научный роман» в набросанную им небольшую жанровую номенклатуру: «чувствительный роман», «роман о Новом Свете», «сатирический роман», «роман-путешествие», «нравоописательный роман», «поэтический роман», судебный роман (Габорио), приключенческий роман (Дюма, Шоветт, Поль Феваль)¹¹. Как видим, Топен, в отличие от Крокера, не склонен «поражать в правах» криминальный дискурс. Автор очерка не ограничивается одной лишь систематизацией и довольно подробно развивает характеристики верновской модели «научного романа»: сочетание научной точности с увлекательностью, выдвижение смелых научных «фантазий» (по существу, гипотез); оптимистическое видение мира; многообразие и выразительность человеческих типов.

Напомним, что очерк Топена создавался в середине 1870-х годов, когда в творчестве Верна уже

ясно просматривалось многообразие жанрово-тематических модальностей (так, «Михаил Строгов», печатавшийся на страницах «*Magasin d'éducation et de récréation*» одновременно с указанным очерком, в категорию «научный роман» никак не вписывался и скорее тяготел к предложенной Топеном категории «приключенческий»). Однако Топен игнорирует это обстоятельство. Вплоть до своей кончины Верн воспринимался во Франции в первую очередь как создатель «научного романа»; лишь после выхода посмертного произведения «Агентство Томпсон и К^о» (1907) пресса заговорила о том, что творчество Верна, собственно говоря, отнюдь не ограничивается этим жанром. В разных источниках интересующий нас термин мог подвергаться некоторым коррективам («роман научных приключений», «роман научных гипотез»; в отношении опубликованного в 1892 году неоготического романа «Замок в Карпатах» прозвучал термин «научная фантазмагория»).

Зыбкость границ между различными типами остросюжетного нарратива ясно демонстрирует опубликованная через полгода после кончины Верна в восьмом номере журнала «*Je sais tout*» (15 сентября 1905 года) статья известного литератора и археолога Гастона Дешана «Фантастическая и неистовая литература». Теоретическая ценность статьи невысока, и всё же она заслуживает внимания в силу того, что Дешан трактует «фантастическую литературу» как в первую очередь литературу ужаса (неоготика). Упомянув в начале статьи имена «отцов-основателей» – По и Верна, – автор затем переходит к «доктору Конан Дойлу», а точнее сказать, к чрезвычайно подробному пересказу «Собаки Баскервилей» (тем самым акцентируя именно готическое начало у английского писателя); вслед за этим Дешан анализирует творчество Герберта Уэллса, уделяя основное внимание четырем романам: «Машина времени» (1895), «Остров доктора Моро» (1896), «Человек-невидимка» (1897) и «Война миров» (1898).

Существенную роль в ревизии границ фантастического сыграла статья прозаика и журналиста Пьера Миля «О «фантастическом» в литературе», опубликованная в 1912 году¹². Обращает на себя внимание использование автором в названии кавычек. Пьер Миль игнорирует романтическую фантастику и включает в категорию «фантастического» только те произведения «прекрасной эпохи», которые в наше время рассматриваются как эталоны протопоэтической фантастики. Это сочинения Жозефа Рони-старшего («Ксипехузы», 1887, «Война за огонь», 1909–1911), Мориса Ренара («Синяя угроза», 1911; подробнее об этом романе см.: [Чекалов 2015]) и того же Уэллса (ранее его произведения были охарактеризованы как «фантастические» на страницах столь влиятельного литературного журнала, как «*Mercur de France*»¹³).

Важно отметить, что представление о «научности» в конце XIX столетия ни в коей мере не исключало оккультной и мистической составляющих. Это хорошо заметно по романной продукции уже упоминавшегося Фламариона (последователя Аллана Кардека, основоположника спиритизма). К художественной словесности астроном обратился еще в молодости («Люмен», 1866, полное изд. 1887); она стала доминировать в его творчестве в 1880-х–1890-х гг.: «Урания» (1889), «Конец света» (1893–1894), «Стелла» (1897). Возможно, необходимость прикоснуться к «возвышенным тайнам Вселенной», которую проповедовал Фламарион, была отчасти связана со сведенборгианством Бальзака («Серафита», 1835). Вообще в рассматриваемый период оккультное знание «рыщет у границ научного» [Finn: 43]; изобретения Эдисона, представленные на Всемирной выставке 1878 году, смели демаркационную линию между инженерным мастерством и волшебством. Именно в качестве чудесника Эдисон предстает в столь значительном литературном памятнике «прекрасной эпохи», как роман Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» (1886).

В 1898 году соавтор Верна Андре Лори был назван, наряду со своим учителем, одним из корифеев «научного романа». Десятью годами ранее он создал одно из лучших своих произведений – «Изгнанники Земли» (предпубликация в виде романа-фельетона на страницах газеты «Le Temps» с 21 марта по 31 мая 1888 года; название газетной версии – «Selene-Compagnie Limited»). Роман снискал популярность в Европе и достаточно быстро был переведен на русский язык под названием «На Луну» (приложение к журналу «Вестник моды», 1889). Эта наиболее пространная из книг Лори изначально должна была стать очередным совместным с Верном проектом, на что указывал в одном из писем Этцель. В итоге Лори самостоятельно написал роман, где фантастический проект (операция, связанная с использованием исполинского магнита для притяжения Луны к Земле ради эксплуатации ее недр) соединяется с историческими фактами (события в Судане в 1884–1885 годах, восстание махдистов и осада Хартума). Грандиозная космическая операция терпит крах – гигантская намагниченная гора устремляется в космос и притягивается к луне (здесь имеется переключка с сюжетом романа Верна «Гектор Сервадак»; в обоих случаях герои в конце задаются вопросом, не приснились ли им все ранее описанные события). «Прото-научно-фантастическое» измерение соединяется в романе с оккультным, что можно считать парадигматической особенностью творчества Лори и ряда других «romanciers scientifiques», включая Мориса Ренара.

По сравнению с «Изгнанниками Земли» в написанной двадцатью годами позднее дилогии Гюстава Леруа «Пленник Марса» и «Война вампиров» (1908–

1909) еще более явно выражено оккультное начало. Леруа полностью отходит от идеи космической ракеты; его способ достижения Марса – коллективная воля брахманов, которая подвергается дополнительному усилению при помощи особого механизма. При таком решении проблемы межпланетных путешествий нет особой надобности в конструктивном совершенствовании космического корабля (которое играло существенную роль для Верна, уделявшего большое внимание именно инженерным технологиям). В «Пленнике Марса» присутствует отсылка к Бальзаку – к тому самому мистическому Бальзаку, которого мы упоминали в связи с Фламарионом: «человеческая воля, та чудесная творческая сила, которую Бальзак считал субстанцией» [Le Rouge: 815].

Психическая энергия используется для осуществления космических полетов и у Фламариона (перед путешествием тела дематериализуются и вновь обретают плоть по прибытии), и в романе Анри Гайара (1863–1937) «Необычайные приключения Сержа Мирандала на планете Марс» (1908; второе издание именовалось «Робинзоны планеты Марс», 1925), и в «Сверкающем колесе» Жана де ла Ира (1908).

Таким образом, соединение мистического начала с научным становится обычным явлением в произведениях «прекрасной эпохи». Именно в этой связи возникает в 1880-х годах термин «научно-чудесное» («merveilleux scientifique»); в тот период под ним понимали те феномены, которые мы сегодня именуем «паранаучным знанием»; к изящной словесности его первоначально не относили. Данную трактовку термина закрепил французский физиолог, исследователь гипнотизма Жозеф-Пьер Дюран (1836–1900), автор опубликованной в 1894 году книги «Le merveilleux scientifique». В 1904–1905 годах крупнейшими представителями «научно-чудесного» были объявлены Верн¹⁴ и Уэллс¹⁵, однако кандидатура Верна не была поддержана главным теоретиком «merveilleux scientifique», уже упоминавшимся Морисом Ренаром. Именно этот писатель в своей статье 1909 г. «О научно-чудесном романе и его воздействии на понимание прогресса» [Renard: 1205–1213] постарался подвести под этот термин подлинно теоретическую базу.

Сама возможность обстоятельной рефлексии мотивируется автором тем, что феномен «научно-чудесного» достиг к моменту написания эссе стадии зрелости. В качестве репрезентативных образцов называются «Остров доктора Моро» Уэллса (1896) и «Полярный народ» Деренна (1907), тематически переключившийся с «Затерянным миром» Конан Дойла, но на пять лет его опередивший. По мнению Ренара, первопроходцем «научно-чудесного» следует считать Эдгара По (основанная на идеях месмеризма новелла «Правда о том, что случилось с мистером

Вольдемаром» и оперирующая феноменами метемпсихоза и гипноза «Повесть Крутых гор»). В статье упомянуты также многочисленные предшественники «научно-чудесного», от Сирано де Бержерака до Эдмона Абу, Вилье де Лиль-Адана и Стивенсона.

Ренар полагает, что «научно-чудесный» роман – наиболее близкий философскому поиску тип современной ему словесности; сухая научная рефлексия убивает чудесное (а «чудо заключено в тайне» [Renard: 1207]). «Научно-чудесный» роман прибегает к использованию научных методов для понимания неизведанного и неясного. Итак, речь идет о соединении рационального и интуитивного познания, выдвижении разнообразных научных гипотез; о научном анализе притягательных именно своей загадочностью феноменов бытия.

Еще раз подчеркнем: хотя критики нередко ставили Верна, Уэллса и Ренара в один ряд, а то и прямо именовали последнего наследником Верна¹⁶, автор очерка «О научно-чудесном романе и его воздействии на понимание прогресса» категорически выводит за пределы «научно-чудесного» творчество Верна. Более того, он намеренно избегает называть имя великого писателя в своих статьях и лишь много позднее, в 1928 году, отвечая на вопрос газеты «L'Intransigeant» «Чем мы обязаны Жюлю Верну?», отдает дань литературному мастерству автора «Путешествия к центру Земли», но весьма прохладно отзывается о научном значении его выкладок [Renard: 1230]. Ренар усматривает в Верне прежде всего детского писателя, развивающего воображение подростков, тогда как сам он претендует на серьезные онтологические и гносеологические горизонты.

Установка на принижение роли Верна в генезисе французской протонаучной фантастики просматривается и у других авторов конца «прекрасной эпохи». И в этом видится прежде всего попытка решения прагматических задач, а именно возвышения социокультурного статуса «научно-чудесного». Связь нового жанрового образования с популярным романом XIX века воспринималась как врожденный порок, нуждающийся в коррекции. мода на Уэллса, возникшая в начале 1900-х годов, позволяла наметить один из путей этой коррекции: импортная нарративная модель представлялась в большей степени укорененной в жанровой традиции «roman littéraire».

Итак, начиная с 1860-х годов, и особенно в период «прекрасной эпохи», во Франции имеет место не только интенсивное развитие протонаучной фантастики, но и кристаллизация рефлексии вокруг нее. Как мы видели, эта рефлексия еще не отличалась научной строгостью, да и не могла претендовать на нее; опыт Мориса Ренара, попытавшегося создать своего рода манифест нового типа нарратива, является в этом смысле исключением, причем прагматические

задачи (возвышение массового чтения, а также и собственного творчества до уровня большой литературы) играли в нем едва ли не ключевую роль.

Примечания

¹ Soulié, Frédéric. Le Feuilleton. La Presse, 01.07.1836, p. 1.

² Dumas, Alexandre. Introduction à nos feuillets historiques. La Presse, 15.07.1836, p. 1.

³ Crokaert, Paul. Le progrès dans l'art. La Lutte: revue d'art et de sociologie catholique, 15.01.1899, p. 327.

⁴ Un habitant de la planète Mars. Le Pays, 17.06.1864, p. 5.

⁵ Zola, Émile. Les livres d'aujourd'hui et de demain. L'Événement, 04.02.1866, p. 3.

⁶ Parville, Henri de. Les Aérolithes américains. Les Annales politiques et littéraires, 15.05.1898, p. 318.

⁷ Lavoix, Henri. Revue littéraire. Gazette nationale ou le Moniteur universel, 02.12.1865, pp. 1472–1473.

⁸ Macé, Jean. Variétés. L'Opinion nationale, 16.12.1865, p. 3.

⁹ Philalèthe. Purée de la littérature moderne. Le Tintamarre, 05.12.1869, p. 6.

¹⁰ Gervais, Ernest. Cinq semaines en ballon, par M. Jules Verne. Le Petit Journal, 24.04.1863, p. 3.

¹¹ Topin, Marius. Le Roman contemporain. Jules Verne. La Presse, 25.04.1876, pp. 5–6.

¹² Mille, Pierre Du «fantastique» en littérature. La Dépêche, 30.04.1912, p. 1.

¹³ Davray, Henry D. Lettres anglaises. Mercure de France, 15.05.1905, p. 301.

¹⁴ Tudesq, André. Le Merveilleux scientifique: Jules Verne. La Plume, 15.04.1905, p. 359.

¹⁵ Réja, Marcel. H.-G. Wells et le merveilleux scientifique. Mercure de France, № 178, 01.10.1904, pp. 40–62.

¹⁶ Margueritte, Victor. «Le Voyage immobile» par Maurice Renard. Le Peuple, 04.04.1922, p. 2.

Список литературы

Чекалов К.А. Герменевтический код и его пародирование в романе Мориса Ренара «Голубая погребель» // Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. 2015. Ч. 7, № 3 (10). С. 23–25.

Чекалов К.А. К вопросу о жанровой системе французского популярного романа во второй половине XIX века // Tigris philologiae: сборник статей о французской литературе (и не только) к юбилею Натальи Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2021. С. 262–278.

Chassay, Jean-François et Barel-Moisson, Claire. Le roman des possibles: L'anticipation dans l'espace médiatique francophone. Montréal, Presses de l'Université, 2019. URL: <https://books.google.ru/books?id=DJwMEAAAQBAJ&pg=PT498&lpg=PT498&dq=le+pays+journal+1864+>

j-f+gall&source=bl&ots=cdKk5zopwb&sig=ACfU3U26d1Z7DQ7hT-rMfuNw-hZnPILDpg&hl=fr&sa=X&ved=2ahUKEwi425WD4NP1AhWQvIsKHZ-0AKkQ6AF6BAgeEAM#v=onepage&q=le%20pays%20journal%201864%20j-f%20gall&f=false (дата обращения: 12.10.2022).

Compère, Daniel. *Les Bas des pages*. Bulletin de la Société Jules Verne, 19836, № 68, pp. 147–153.

Deschamps, Gaston. La littérature fantastique et terrible. Je sais tout, 1905, № 8, pp. 151–161.

Finn, Michael R. Science et paranormal au 19e siècle: la science-fiction spiritualiste de Camille Flammarion. Dalhousie French Studies, 2007, vol. 78, pp. 43–51.

Le Rouge, Gustave. Le Mystérieux docteur Cornélius. Paris, Robert Laffont, 1986, 1325 p.

Renard, Maurice. Romans et contes fantastiques. Paris, Robert Laffont, 1990, 1271 p.

Vas-Deyres, Natacha. Jules Verne, un voyage vers la Lune ou... vers la science? Archicube, 2019, № 27. URL: https://www.academia.edu/46834048/_Jules_Verne_un_voyage_vers_la_Lune_ou_vers_la_science_revue_Archicube_n_27_La_Lune_ENS_Ulm_d%C3%A9cembre_2019 (дата обращения: 12.10.2022).

References

Chekalov K.A. *Germenevticheskij kod i ego parodirovanie v romane Morisa Renara "Golubaya pogibel'"* [Hermeneutic code and its parody in Maurice Renard's novel "The Blue Peril"]. *Nauchnye perspektivy XXI veka. Dostizheniya i perspektivy novogo stoletiya* [Scientific perspectives of the 21st century. Achievements and prospects for the new century], 2015, part 7, № 3 (10), pp. 23–25. (In Russ.)

Chekalov K.A. *K voprosu o zhanrovoj sisteme francuzskogo populyarnogo romana vo vtoroj polovine XIX veka* [To the question of the genre system of the French popular novel in the second half of the 19th century]. *Tigris philologiae. Sbornik statej o francuzskoj literature (i ne tol'ko) k yubileyu Natal'i Pahsar'yan* [Tigris philologiae. A collection of articles on French literature (and not only) for the anniversary of Natalia Pakhsaryan]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2021, pp. 262–278. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.11.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 21.11.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.